

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE URALS BRANCH
INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY**

•
**ACADEMY OF MILITARY HISTORY STUDIES
THE URALS BRANCH**

THE URALS IN THE 20th CENTURY'S PANORAMA

**«SV-96»
EKATERINBURG
2000**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
•
АКАДЕМИЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**УРАЛ
В ПАНОРАМЕ
XX ВЕКА**

«СВ-96»
ЕКАТЕРИНБУРГ
2000

УДК 947(470.5)

ББК 63.3(2р36)

У68 УРАЛ В ПАНОРАМЕ XX ВЕКА. — Екатеринбург:

Издательство “СВ-96”, 2000. — 496 с.: ил.

В книге, посвященной событию, обозначающему важнейшую историческую веху — завершению XX века, на основе современных научных знаний всесторонне показан вклад Урала в развитие человеческой цивилизации уходящего столетия в контексте общероссийской и мировой истории. Наряду с историческим освещением основных этапов развития уральского региона в XX веке, труд содержит разнообразные материалы, углубляющие понимание и иллюстрирующие историю края.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся региональной, общероссийской и мировой историей.

УДК 947(470.5)

ББК 63.3(2р36)

THE URALS IN THE 20th CENTURY'S PANORAMA. —
Ekaterinburg: Publishers “SV-96”, 2000. — 496 pp.: with ill.

In this book devoted to the event designating the major historical mark — the end of the 20th century, on the basis of modern scientific knowledges, the contribution of the Urals to development of a human civilization of the ending century in a context of all-Russian and world history is shown in every detail. Together with the historical interpretation of the basic stages of the Ural region's development in the 20th century the work contains various materials deepening understanding and illustrating the history of the area.

The book is adressed to a wide circles of the readers interested in regional, all-Russian and world history.

Главный редактор:

В. В. Алексеев, д.и.н., академик РАН

Редакционная коллегия:

А. В. Сперанский, д.и.н., академик АВИН (зам. главного редактора)

В. С. Балакин, д.и.н.

С. В. Голынец, чл.-корр. РАН, академик АГН

К. И. Зубков, к.и.н.

Г. Е. Корнилов, д.и.н., академик АВИН

К. И. Куликов д.и.н.

Б. В. Личман, д.и.н., академик АВИН

Г. С. Моисеев, к.и.н., чл.-корр. АВИН

С. П. Постников, д.и.н.

В. В. Пундани, д.и.н.

В. С. Терехов, к.и.н. (ответственный секретарь)

А. Т. Тертышный, д.и.н., академик МАН ВШ

А. В. Федорова, д.и.н., академик АВИН

Л. И. Футорянский Л.И., д.и.н., академик АВИН

Г. Н. Чагин, д.и.н.

В. В. Якимов, академик АВИН

© Институт истории и археологии УрО РАН, 2000

© Уральское отделение Академии военно-исторических наук, 2000

ISBN 5-89516-120-0

Провозвестник экологического мышления

Теперь слово «экология» вошло в повседневный обиход, мы его ежедневно встречаем на страницах газет, слышим в радио- и телепередачах, его научились произносить и государственные деятели, и домохозяйки. Но в конце 1950-х гг. оно было в ходу лишь среди узкого круга специалистов, да и то не все из них считали, что такая наука имеет право на существование. Некоторые чиновники относились к слову «экология» настороженно: не очередное ли это порождение «загнившей западной цивилизации» вроде корпускулярной теории наследственности или кибернетики?

С.С. Шварц* посвятил свою жизнь разработке теоретических основ экологии, показу ее значения, сфер приложения, ее роли в современном мире. Когда он начинал свою деятельность, эта наука, во всяком случае у нас, была подобна джинну, загнанному в бутылку: время ее всеобщего признания еще не пришло. Своими трудами, всей своей деятельностью Шварц способствовал выработке нового экологического мышления в нашей стране.

Пытаясь определить одним словом характерные черты С.С. Шварца как личности, я не нахожу более удачного эпитета: он был интеллигентом в полном и лучшем смысле слова. Это качество не пришло к нему от Бога — он развил, взрастил его в себе, осваивая духовное наследие прошлых поколений, общаясь с интересными людьми, увлеченными, как и он сам, наукой.

В раннем возрасте Станислав Семенович потерял отца. Его мать, работавшая в то время машинисткой, оставшись вдовой с ребенком на руках, приложила все силы, чтобы сын получил хорошее образование. В Ленинградском университете студент Шварц удивлял профессоров тем, что не ограничивался слушанием лекций и чте-

нием учебников, а штудировал в оригинале произведения классиков естествознания. Круг его интересов был очень широк. На протяжении всей своей сознательной жизни он сохранил увлечение философией. Свободно владел немецким языком, неплохо знал английский и французский. Интересовался живописью, художественной литературой, историей.

На протяжении многих лет, не гнушаясь черновой работы, С.С. Шварц был исправным сотрудником «Реферативного журнала». Через его руки проходил огромный поток научной литературы. Он всегда был в курсе всех новинок и брал на вооружение достижения мировой науки, подхватывая новые идеи и обогащая арсенал фактических данных.

Однако настоящая интеллигентность — не только эрудиция, она не ограничивается обширным запасом знаний. Это одновременно и бескомпромиссность в отстаивании истины, недопустимость сделок с совестью. Случилось так, что однажды судьба неожиданно столкнула С.С. Шварца с Н.В. Тимофеевым-Ресовским, который в те годы еще не был легендарным «Зубром», прославленным в книге Даниила Гранина. В глазах общественности Н.В. Тимофеев-Ресовский был человеком с запятнанной репутацией, невозвращенец, работавший в фашистской Германии, отбывавший наказание в исправительно-трудовом лагере. Крылатая фраза «у нас зря не сажают» в то время для многих еще оставалась аксиомой. И вот в 1955 г. «Зубр», проработавший в течение нескольких лет на закрытом объекте, был переведен вместе с группой сотрудников в Институт биологии под начальство Шварца. Как должен был относиться к нему молодой и недостаточно опытный директор института, только начинавший свою административную карьеру?

Нельзя забывать об обстановке того времени. Зловещая тень Трофима Лысенко, шарлатана с высокими академическими званиями и огромным количеством правительственных наград, еще нависала над биологической наукой всей страны. Шварц не мог не помнить печальную судьбу одного из своих предшественников на директорском посту, основателя Института биологии УФАНа, замечательного ученого и организатора науки профессора Василия Ивановича Патрушева. После пресловутой августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Патрушев был заклеен «вейсманистом-морганистом», снят с должности директора, долго находился без работы. Это потрясение подорвало его здоровье. Какую позицию следовало занять молодому директору по отношению к «Зубру», которого справедливо считали одним из основоположников заклеенной классической генетики и несправедливо — чуть ли не изменником Родины? Ведь он был в свое время на дружеской ноге с

* Шварц Станислав Семенович (01.04.1919, Екатеринбург — 12.05.1976, Свердловск), зоолог, эколог, академик АН СССР (1970), член-корреспондент АН СССР (1966), доктор биологических наук (1954), профессор (1957). Окончил Ленинградский государственный университет (1942). Директор Института экологии растений и животных УФАНа СССР (до 1965 — Институт биологии УФАНа СССР). Создатель и главный редактор журнала «Экология». Лауреат премии им. А.Н. Северцова. Награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции.

«самим» Морганом и «самим» Добжанским, апостолами хромосомной теории наследственности, о чем свидетельствовали групповые снимки, которые он охотно всем показывал. Тимофеев вел себя в институте, да и за его пределами, совершенно независимо, часто выступал на ученых советах в своей оригинальной манере, где изящество формулировок и сложная «западная» научная терминология удивительным образом сочетались с чисто русским чертыханием. Он не стеснялся, открыто называл учение Лысенко «невероятной чепухой».

С.С. Шварц сразу же распознал в «Зубре» крупнейшего, оригинально мыслящего, принципиального ученого. Он знал, чем рискует, но, проявив большое гражданское мужество, не только не притеснял Тимофеева-Ресовского, не одергивал его во время публичных выступлений, но и создал ему прекрасные условия для работы, буквально «тепличную обстановку», защищал его от нападков. Работая в институте Шварца, Тимофеев, не имевший даже документа о высшем образовании, заведовал лабораторией, руководил подготовкой аспирантов, редактировал и выпускал сборники трудов, организовывал в Миассово знаменитые коллоквиумы («трепы», по его терминологии), куда съезжались из разных научных центров приверженцы настоящей науки, разъезжал по стране, выступая с лекциями в Душанбе, Ереване и Москве, преподавал в Уральском госуниверситете. Все это было возможно лишь при активной поддержке со стороны Шварца. Он же помог Тимофееву, преодолев массу рогаток и препон, защитит по совокупности работ в своем же институте докторскую диссертацию, причем защита превратилась, по словам одного из оппонентов, академика Л.А. Зенкевича, в подлинный «праздник науки».

Все это произошло лишь потому, что Шварц ценил ученых по их собственным заслугам, отмечая какие-либо конъюнктурные соображения. Этот же принцип он применял при комплектовании руководящего костяка института — ведущих лабораториями, подобрав на эти должности специалистов, способных возглавлять конкретные научные направления.

Жизненный путь С.С. Шварца не был усыпан розами, немало встречалось на нем булыжников и колдобин. В самом начале Великой Отечественной войны, в 1941 г., он ушел из Ленинграда добровольцем на фронт, был ранен, провел в осажденном городе часть периода блокады, видел разрушения, страдания людей. Может быть, именно поэтому в каждом сотруднике он видел не просто «винтик» в служебном механизме, но живого человека с его невзгодами и радостями, достоинствами и недостатками. Как руководитель учреждения Шварц был очень демократичен и доступен, к нему обращались все,

независимо от звания и положения как по служебным, так и по личным делам. Во время субботников (а их было немало, так как многие сооружения на территории института были воздвигнуты силами сотрудников) Станислав Семенович трудился вместе со всеми, в простой рабочей одежде, с лопатой или носилками в руках.

Он не терпел склок и кляуз. Возникавшие иногда неполадки старался разрешить в самом зародыше, не давая им перерасти в конфликты, способные парализовать работу целых лабораторий. В этом отношении он служил примером для своих помощников и заместителей, и они сознательно или подсознательно ему следовали.

Шварц культивировал в руководимом им институте атмосферу демократизма, доброжелательности, взаимного уважения и поддержки. Сплоченность, творческий климат во многом определили успех работ коллектива.

Будучи тонким психологом, Шварц хорошо разбирался в людях и умел каждому сотруднику найти наиболее подходящее место в коллективе, где бы полнее раскрылись его способности. Пушкин писал: «В одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань». Но в «колеснице» Шварца, умело им управляемой, были и кони, и трепетные лани, кроты, верблюды и олени, и даже орлы, стремящиеся к заоблачным высотам. И все они делали полезное дело, не создавая помех друг другу. Станислав Семенович часто повторял девиз своего учителя, профессора П.В. Терентьева: «Работай сам и не мешай работать другим». Он был великим тружеником.

В истории любой науки неизбежно наступают такие моменты, когда после длительного накопления фактов создаются предпосылки для их обобщения. В это время, как принято говорить, идеи « витают в воздухе » — стоит протянуть руку, и их можно схватить (впрочем, все-таки нужно знать когда и как это следует делать). Так произошло в начале 1960-х гг. с одним тогда еще новым, а теперь уже ставшим тривиальным, научным представлением. Как-то Шварцу вместе с одним сотрудником (назову его условно Л.С.) пришлось писать письмо в Академию наук по поводу структурных изменений в институте. И вот тогда-то они включили в письмо фразу о том, что в природе можно выделить несколько уровней организации живого. Л.С., не отличавшийся чрезмерной скромностью, захлебываясь от восторга и самоупоения, стал рассказывать на заседании ученого совета, как ему и Станиславу Семеновичу (по его словам, трудно сказать, кому из них первому, может быть, обоим одновременно) пришла в голову эта замечательная мысль. Но как раз в эти дни мне представился случай получить из Института научной информации для реферирования ксерокопию статьи одного американского ученого, опубликован-

ную на английском языке, которая так и называлась — «Концепция уровней интеграции в биологии». В ней с предельной ясностью развивалась идея о том, что в природе существует своеобразная иерархия уровней интеграции (организации) живого: молекулярный, организменный, популяционный, биоценотический. Когда я сказал об этом Л.С. и предложил ему ознакомиться с этой статьей, он страшно рассердился, заявив, что статья его совсем не интересует и он знать не хочет ни статью, ни ее автора. Реакция Шварца была совершенно иной: он попросил дать ему статью, внимательно ее прочитал и на другой день, с улыбкой вернув ее мне, сказал: «Это чистейший плагиат!» (имея в виду, что вопрос разработан до него и Л.С. и об их авторстве речи быть не может). После этого Л.С. никогда больше не упоминал об уровнях организации живого. А Станислав Семенович, напротив, взял эту концепцию на вооружение, развивал и пропагандировал ее как в своих трудах, так и в выступлениях. Эта совершенно различная реакция двух ученых на одно и то же событие характеризует еще одну из отличительных особенностей С.С. Шварца и вызывает к нему глубочайшее уважение. Ему было чуждо зазнайство, и в научных делах он был строго объективен. Впрочем, у него было достаточно личных заслуг, чтобы не приписывать себе чужие открытия.

Шварц унаследовал от своих предшественников научный коллектив довольно неопределенного профиля. Формально он назывался Институтом биологии УФАН СССР. Но в то же время кавалерийские налеты и разгромы в духе «мичуринского учения» следовали один за другим. Менялись руководители. Каждый «уважающий себя» начальник, ничего не понимая в биологии, считал своим долгом дать «ценные указания» о перестройке работы. Многочисленные комиссии, в большинстве случаев некомпетентные, приходили к противоречивым и часто взаимоисключающим друг друга решениям. Коллектив шарахался из стороны в сторону, не понимая, почему его вдруг заставляют заниматься то раздоем телок (чтобы они, позднее став коровами, давали больше молока), то борьбой с сорняками на колхозных полях. Не отставали и журналисты. В областной газете появилась разгромная статья об институте под названием «Пустоцвет». Станислав Семенович с горечью рассказывал о том, что журналисты, посещая, скажем, Институт ядерной физики, уходят оттуда, ничего не поняв, а потом пишут восторженные статьи, насколько, видите ли, сложны эти проблемы, что неподготовленному человеку в них не разобраться. Но когда они посещают биологическое учреждение и уходят, что-нибудь не поняв, они разыгрывают благородное возмущение: вот подумайте только, здесь занимаются

какими-то заумными, непонятными проблемами, оторванными от жизни. В то время, с легкой руки Лысенко, почти каждый считал себя способным если уж не разбираться в биологических проблемах, то во всяком случае давать указания по этому поводу.

Став директором, Шварц принял смелое решение модернизировать институт, сделать его настоящим академическим учреждением. Он понимал значение теории, необходимость развития фундаментальных исследований. Глядя вперед по меньшей мере на 20 лет, он обосновал и внес предложение о придании институту строго определенного экологического направления. В 1966 г. Институт экологии растений и животных был формально утвержден. Это было первое в стране научное учреждение такого профиля.

Коллектив института в то время насчитывал всего лишь 58 научных сотрудников, в том числе 3 доктора и 19 кандидатов наук. Он размещался в одном небольшом двухэтажном здании и нескольких домиках барачного типа. Сам Шварц сначала не имел даже отдельного кабинета, он сидел в небольшой комнате вместе со своим заместителем В.Н. Павлиным. Но уже в то время Шварц и его институт стали центром интеллектуального притяжения и формирования экологических идей. Интересно проходили заседания ученых советов, научные собрания, защиты диссертаций, совещания. Сюда охотно приезжали видные экологи из Москвы и Ленинграда: академик Л.А. Зенкевич, профессора Н.П. Наумов, В.И. Цалкин, А.Г. Банников и ученые из других научных центров страны.

С большим энтузиазмом принял Шварц Международную биологическую программу. Она была в основном экологической, и институт активно включился в ее разработку. Исследования проводились главным образом на стационаре «Харп», причем они способствовали концентрации усилий всего коллектива на решении одной крупной задачи, выработке общих методических подходов. В 1971 г. вместе с С.С. Шварцем на Международном симпозиуме в Ленинграде с докладами выступили и ведущие ученые института. Участники симпозиума, в том числе известные зарубежные биологи Л. Блисс, Ф. Виелголасски, Т. Росвал, высоко оценили вклад Института экологии УФАНа в разработку международной программы. Яркий след оставил также и проведенный в Свердловске в 1970 г. симпозиум «Продуктивность биогеоценозов Субарктики».

Так институт, еще не располагавший достаточной материальной базой, благодаря энергии С.С. Шварца и всего коллектива быстро завоевал всесоюзное и международное признание, закрепил свои позиции в научном мире.

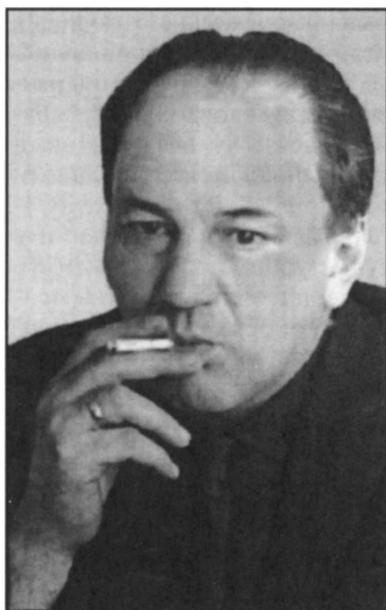
Мечтой С.С. Шварца было создать не только институт, но и постоянный печатный орган

всесоюзного значения. В 1970 г. в результате больших усилий и при поддержке всей научной общественности страны был официально учрежден новый академический журнал «Экология». Его главным редактором был назначен С.С. Шварц, остававшийся на этом посту до последнего дня своей жизни. Журнал быстро завоевал всеобщее признание. С первого же номера и до настоящего времени он переводится на английский язык в США.

Журнал «Экология», несомненно, способствует прогрессу бурно развивающейся науки о биосфере, о взаимоотношении человеческого общества с природой и является знаменосцем борьбы за выживание человечества.

Основанный С.С. Шварцем институт превратился в крупное научное учреждение всероссийского и мирового значения. В его составе 13 лабораторий, два академика, один член-корреспондент РАН, 24 доктора и 77 кандидатов наук. В лабораториях трудятся ученики и соратники С.С. Шварца — В.Н. Большаков, П.Л. Горчаковский, Л.Н. Добринский, В.Г. Ищенко, В.С. Смирнов, Л.М. Сюзюмова, О.Я. Пястолова, Н.В. Куликов и др. Кроме того, из института выделился в самостоятельное учреждение Ботанический сад УрО РАН во главе с С.А. Мамаевым. Многие молодые сотрудники в своей работе опираются на научное наследие С.С. Шварца, его идеи. Созданная С.С. Шварцем атмосфера творчества, научного поиска, сотрудничества и доброжелательности сохранилась в институте и служит залогом новых успехов коллектива.

П.Л. Горчаковский

Академик АН СССР
С.С. Шварц